

Секция «44.21 Правовая информатика, информационное и цифровое право»

**Законодательная техника регулирования искусственного интеллекта: поиск
баланса между гибкостью и определенностью**

Научный руководитель – Махмудова Султанат Габидулаевна

Биякаева Асиль Эльдархановна

Студент (специалист)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва,
Россия

E-mail: asil40001@gmail.com

Проблематика правового регулирования искусственного интеллекта сегодня заключается не только в определении содержания будущих норм, но и в переосмыслении самой техники правотворчества. Право традиционно ориентировано на устойчивость, определённую и предсказуемость, тогда как технологии искусственного интеллекта развиваются стремительно, изменяются в процессе применения и нередко выходят за рамки первоначально заданных параметров. В результате законодатель сталкивается с необходимостью описывать объект, который по своей природе не является статичным. Именно поэтому регулирование ИИ становится одним из наиболее ярких примеров конфликта между стабильностью права и динамикой технологического прогресса[1].

Центральной проблемой в этой сфере выступает вопрос юридической дефиниции искусственного интеллекта. Формально законодатель может стремиться к созданию чёткого и исчерпывающего определения, однако такой подход быстро обнаруживает свои пределы. Слишком узкая технико-юридическая дефиниция устаревает по мере появления новых моделей и архитектур ИИ, тогда как чрезмерно широкое определение приводит к распространению специального регулирования на системы, которые фактически не обладают признаками интеллектуальной автономности. В этой связи современная законодательная техника всё чаще отказывается от попытки описать «сущность» технологии и переходит к функциональному подходу, в рамках которого значение имеют не столько внутренние свойства системы, сколько её способность влиять на права, безопасность и общественные отношения.

Наиболее ярко данный подход проявляется в европейской модели регулирования, где акцент делается на рисках, создаваемых системой искусственного интеллекта. Такая логика означает отказ от универсального режима для всех ИИ-систем и переход к дифференциации в зависимости от степени потенциальной опасности. Юридически значимым становится не сам факт использования технологии, а характер её воздействия и возможные последствия. Аналогичная тенденция прослеживается и в международных актах, где регулирование строится вокруг защиты прав человека, демократии и принципа верховенства права в условиях распространения интеллектуальных систем[2]. Следовательно, современная законодательная техника всё чаще ориентируется не на описание технологии как таковой, а на определение допустимых и недопустимых моделей её применения.

Сравнительный анализ показывает, что государства вырабатывают различные регуляторные стратегии, однако их объединяет стремление к сочетанию гибкости и контроля. Одни юрисдикции создают специальные комплексные режимы для отдельных категорий ИИ-систем, другие используют преимущественно административные и стратегические механизмы, третьи опираются на добровольные стандарты и рамки риск-менеджмента. Это свидетельствует о том, что единая универсальная модель правового оформления искусственного интеллекта пока не сложилась. Вместе с тем уже очевидно, что традиционные

способы нормативного закрепления объекта регулирования оказываются недостаточными, а потому законодатель вынужден искать новые приёмы юридической техники.

Не менее сложной является проблема ответственности за вред, причинённый при использовании искусственного интеллекта. Классические конструкции гражданского права исходят из того, что действия могут быть соотнесены с конкретным лицом, обладающим волей и способным контролировать своё поведение[3]. Однако в отношении ИИ это соотношение усложняется: результат может быть обусловлен особенностями модели, качеством данных, спецификой эксплуатации, действиями разработчика, поставщика и пользователя одновременно. В этих условиях правовая система сталкивается с необходимостью перераспределения ответственности между участниками жизненного цикла технологии.

В доктрине обсуждаются два основных направления решения данной проблемы. Первое связано с адаптацией уже существующих правовых конструкций, например с возложением ответственности на владельца, оператора, поставщика или разработчика по аналогии с иными источниками повышенной опасности либо в рамках законодательства о дефектной продукции. Второе направление предполагает возможность признания сложных автономных систем особым субъектом права — так называемым «электронным лицом». Однако такая модель в настоящее время остаётся преимущественно теоретической, поскольку её реализация потребовала бы пересмотра фундаментальных категорий правосубъектности, вины и причинной связи[4].

Российский подход к регулированию искусственного интеллекта также развивается в направлении сочетания стратегических установок, экспериментальных правовых режимов и постепенного формирования специальных правил для отдельных сфер. Это свидетельствует о том, что отечественный законодатель пока не стремится к немедленной полной кодификации отношений в данной области, а предпочитает поэтапную модель, в рамках которой правовые механизмы апробируются в регулируемой среде. Такой подход представляется оправданным, поскольку позволяет учитывать высокую степень изменчивости технологии и одновременно сохранять возможность последующей корректировки нормативных решений.

Источники и литература

- 1) Наумов В.Б., Арчаков В.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта: состояние и перспективы // Информационное право. — 2022. — № 3. — С. 20–26. 2. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Труды Института государства и права РАН. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 50–72. 3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. — М. : Буки Веди, 2017. — 258 с. 4. Кашанин А.В. Проблемы юридической техники в регулировании искусственного интеллекта // Закон. — 2021. — № 5. — С. 32–40.
- 2) Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Труды Института государства и права РАН. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 50–72.
- 3) Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. — М. : Буки Веди, 2017. — 258 с.
- 4) Кашанин А.В. Проблемы юридической техники в регулировании искусственного интеллекта // Закон. — 2021. — № 5. — С. 32–40.